

Михаил Кузмин

Параболы

Стихотворения 1921-1922 гг.

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
К89

К89 **Кузмин М.**
Параболы: Стихотворения 1921-1922 гг. / Михаил Кузмин – М.: Книга
по Требованию, 2012. – 58 с.

ISBN 978-5-4241-3263-6

Михаил Алексеевич Кузмин - поэт, прозаик, переводчик, видная фигура
"Серебряного века"

Художественная манера Михаила Кузмина своеобразна, артистична, а
творчество пронизано искренним поэтическим чувством.

ISBN 978-5-4241-3263-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Кузмин Михаил
Параболы (Стихотворения
1921-1922)

Михаил Кузмин
Параболы
Стихотворения 1921-1922
I. СТИХИ ОБ ИСКУССТВЕ

436

Косые соответствия
В пространство бросить
Зеркальных сфер,
Безумные параболы,
Звения, взвивают
Побег стеблей.
Зодиакальным племенем
Поля пылают,
Кипит эфир,
Но все пересечения
Чертеж выводят
Недвижных букв
Имени твоего!

[1922]

437

Как девушки о женихах мечтают,
Мы об искусстве говорим с тобой.
О, журавлей таинственная стая!
Живых полетов стройный перебой!
Обручена Христу Екатерина,
И бьется в двух сердцах душа одна.
От щек румянец ветренный отхлынет,
И загораются глаза до дна.
Крылато сбивчивое лепетанье,
Почти невысказанное "люблю".
Какое же влюбленное свиданье
С такими вечерами я сравню!

1921

438

Невнятен смысл твоих велений:
Молиться ль, проклинать, бороться ли
Велишь мне, непонятный гений?
Родник скудеет, скуп и мал,
И скороход Беноццо Гоццолли
В дремучих дебрях задремал.
Холмы темны медяной тучей.
Смотри: я стройных струн не трогаю.
Твой взор, пророчески летучий,
Закрит, крылатых струй не льет,
Не манит майскою дорогою
Опережать Гермесов лет.
Не ржут стреноженные кони,

Раскинулись, дряхлея, воины...
Держи отверстиями ладони!
Красна воскресная весна,
Но рощи тьмы не удостоены
Взыграть, воспрянув ото сна.
Жених не назначает часа,
Не соблазняясь промедлением,
Лови чрез лед призывы гласа.
Елеем напоен твой лен,
И, распростиаясь с ленивым млением,
Воскреснешь, волен и влюблен.

1921

439

Легче пламени, молока нежней,
Румянцем зари рдяно играя,
Отрок ринется с золотых сеней.
Раскаты в кудрях раева грая.
Мудрый мужеством, слепотой стрелец,
Когда ты без крыл в горницу внидешь,
Бельма падают, замерцал венец,
Земли неземной зелени видишь.
В шуме вихревом, в осияньи лат
Все тот же гонец воли вельможной!
Память пазухи! Откровений клад!
Плывите, дымы прихоти ложной!
Царь венчается, вспоминает гость,
Пришлец опочил, строятся кущи!
Всесожжение! возликует кость,
А кровь все поет глуше и гуще.

Декабрь 1921

440. ИСКУССТВО

Туман и майскую росу
Сберу я в плотные полотна.
Закупорив в сосудец плотно,
До света в дом свой отнесу.
Созвездья благостно горят,
Указанные в Зодиаке,
Планеты заключают браки,
Оберегая мой обряд.
Вот жизни горькой и живой
Истлевшее беру растенье.
Клокочет вещь кипенье...
Пылай, союзник огневой!
Все, что от смерти, ляг на дно.
(В колодце ль видны звезды, в небе ль?)
Былой лозы прозрачный стебель
Мне снова вывести дано.

Кора и розоватый цвет
Все восстановлено из праха.
Кто тленного не знает страха,
Тому уничтоженья нет.
Промчится ль ветра буйный конь
Верхушки легкой не качает.
Весна нездешняя венчает
Главу, коль жив святой огонь.
Май 1921

441. МУЗА

В глухие воды бросив невод,
Под вещей лепет темных лип,
Глядит задумчивая дева
На чешую волшебных рыб.
То в упоении зверином
Свивают алые хвосты,
То выплывут аквамарином,
Легки, прозрачны и просты.
Восторженно не разумея
Плодов запечатленных вод,
Все ждет, что голова Орфея
Златистой розою всплывет.
Февраль 1922

442

В раскосый блеск зеркал забросив сети,
Склонился я к заре зеленоватой,
Слежу узор едва заметной зыби,
Лунатик золотеющих озер!
Как кровь сочится под целебной ватой,
Яснеет отрок на гранитной глыбе,
И мглой истомною в медвяном лете
Пророчески подернут сизый взор.
Живи, Недвижный! затрепещут веки,
К ладоням нежным жадно припадаю,
Томление любви неутолимой
Небесный спутник мой да утолит.
Не вспоминаю я и не гадаю,
Полет мгновений, легкий и любимый,
Вдруг останавливаешь ты навеки
Роскошеством юнеющих ланит.

Апрель 1922

443. МУЗЫКА

Тебя я обнимаю
И радуга к реке,
И облака пылают
На Божеской руке.
Смеешься - дождь на солнце,

Росится резеда,
Ресницею лукавит
Лиловая звезда.
Расколотой кометой
Фиглярит Фигаро.
Таинственно и внятно
Моцартово Таро.
Летейское блаженство
В тромбонах сладко спит,
Скрипичным перелеском
Звенит смолистый скит.
Какие бросит тени
В пространство милый взгляд?
Не знаешь? и не надо
Смотреть, мой друг, назад.
Чье сердце засияло
На синем, синем Si?
Задумчиво внимает
Небывший Дебюсси.

Май 1922

444

О. А. Глебовой-Судейкиной
"А это - хулиганская", - сказала
Приятельница милая, стараясь
Ослабленному голосу придать
Весь дикий романтизм полночных рек,
Все удалство, любовь и безнадежность,
Весь горький хмель трагических свиданий.
И дальний клекот слушали, потупясь,
Тут романист, поэт и композитор,
А тюлевая ночь в окне дремала,
И было тихо, как в монастыре.
"Мы на лодочке катались...
Вспомни, что было!
Не гребли, а целовались...
Наверно, забыла".
Три дня ходил я вне себя,
Тоскуя, плача и любя,
И, наконец, четвертый день
Знакомую принес мне лень,
Предчувствие иных дремот,
Дыхание иных высот.
И думал я: "Взволненный стих,
Пронзив меня, пронзит других,
Пронзив других, спасет меня,
Тоску покоем заменя".
И я решил,

Мне было подсказано:
Взять старую географию России
И перечислить
(Всякий перечень гипнотизирует
И уносит воображение в необъятное)
Все губернии, города,
Села и веси,
Какими сохранила их
Русская память.
Костромская, Ярославская,
Нижегородская, Казанская,
Владимирская, Московская,
Смоленская, Псковская.
Вдруг остановка,
Провинциально роковая поза
И набекрень наклепнутый картуз.
"Вспомни, что было!"
Все вспомнят, даже те, которым помнить
То нечего, начнут вздыхать невольно,
Что не живет для них воспоминанье.
Второй волною
Перечислить
Второй волною
Перечислить
Хотелось мне угодников
И местные святыни,
Каких изображают
На старых образах,
Двумя, тремя и четырьмя рядами.
Молебные руки,
Очи гор_е_,
Китежа звуки
В зимней заре.
Печора, Кремль, леса и Соловки,
И Коневец Корельский, синий Сэров,
Дрозды, лисицы, отроки, князя,
И только русская юродивых семья,
И деревенский круг богомолений.
Когда же ослабнет
Этот прилив,
Плывет неистощимо
Другой, запретный,
Без крестных ходов,
Без колоколов,
Без патриархов...
Дымятся срубы, тундры без дорог,
До Выга не добраться полицейским.

Подпольники, хлысты и бегуны
И в дальних плавнях заживо могилы.
Отверженная, пресвятая рать
Свободного и Божеского Духа!
И этот рой поблек,
И этот пропал,
Но еще далек
Девятый вал.
Как будет страшен,
О, как велик,
Средь голых пашен
Новый родник!
Опять остановка,
И заманчиво,
Со всею прелестью
Прежнего счастья,
Казалось бы, невозвратного,
Но и лично, и обще,
И духовно, и житейски,
В надежде неискоренимой
Возвратимого
Наверно, забыла?
Господи, разве возможно?
Сердце, ум,
Руки, ноги,
Губы, глаза,
Все существо
Закричит:
"Аще забуду Тебя?"
И тогда
(Неожиданно и смело)
Преподнести
Страницы из "Всего Петербурга",
Хотя бы за 1913 год,
Торговые дома,
Оптовые особенно:
Кожевенные, шорные,
Рыбные, колбасные,
Мануфактуры, писчебумажные,
Кондитерские, хлебопекарни,
Какое-то библейское изобилие,
Где это?
Мучная биржа,
Сало, лес, веревки, ворвань...
Еще, еще поддаться...
Ярмарки... там
В Нижнем, контракты, другие...

Пароходства... Волга!
Подумайте, Волга!
Где не только (поверьте)
И есть,
Что Стенькин утес.
И этим
Самым житейским,
Но и самым близким
До конца растерзав,
Кончить вдруг лирически
Обрывками русского быта
И русской природы:
Яблочные сады, шубка, луга,
Пчельник, серые широкие глаза,
Оттепель, санки, отцовский дом,
Березовые рощи да покосы кругом.
Так будет хорошо.
Как бусы, нанизать на нить
И слушателей тем пронзить.
Но вышло все совсем не так,
И сам попался я впросак.
И яд мне оказался нов
Моих же выдумок и слов.
Стал вспоминать я, например,
Что были весны, был Альбер,
Что жизнь была на жизнь похожа,
Что были Вы и я моложе,
Теперь же все мечты бесцельны,
А песенка живет отдельно,
И, верно, плоховат поэт,
Коль со стихами сладу нет.

1922

445

А. Радловой

Серым тянутся тени роем,
В дверь стучат нежеланно гости,
Шепчут: "Плотью какой покроем
Мы прозрачные наши кости?
В вихре бледном - темно и глухо,
Вздогнут трупы при трубном зове...
Кто вдохнет в нас дыханье духа?
Кто нагонит горячей крови? "
Вот кровь; - она моя и настоящая!
И семя, и любовь - они не призрачны.
Безглазое я вам дарую зрение
И жизнь живую и неистощимую.
Слепое племя, вам дано приблизиться,

Давно истлевшие и нерожденные,
Идите, даже не существовавшие,
Без родины, без века, без названия.
Все страны, все года,
Мужчины, женщины,
Старцы и дети,
Прославленные и неизвестные,
Македонский герой,
Гимназист, даже не застрелившийся,
Люди с метриками,
С прочным местом на кладбище,
И легкие эмбрионы,
Причудливая мозговых частиц
Поросль...
И русский мальчик,
Что в Угличе зарезан,
Ты, Митенька,
Живи, расти и бегай!
Выпейте священной крови!
Новый "Живоносный Источник" - сердце,
Живое, не метафорическое сердце,
По всем законам Беговой анатомии созданное,
Каждым ударом свой конец приближающее,
Дающее,
Берущее,
Пьющее,
Напоющее,
Жертва и жертвоприноситель,
Умирующий воскреситель,
Чуда чудотворец чающий,
Таинственное, божественное,
Слабое, родное, простейшее
Сердце!
Июнь 1922
446. КОЛОДЕЦ
В степи ковылиной
Забыты истоки,
Томится малиной
Напрасно закат.
В бесплодных покосах
Забродит ребенок,
Ореховый посох
Прострет, златоокий,
Ручьется уж тонок
Живительный клад.
Клокочет глубоко
И пенье, и плески,